

Илья Франк

Невидимая рама

стихотворения

Илья Франк

НЕВИДИМАЯ РАМА

ВКН

Москва

2023

УДК 811.131.1
ББК 81.2
Ф83

Франк И.

Ф83 Невидимая рама / И. Франк. — М.:
Издательский дом ВКН, 2023. — 54 с.

ISBN 978-5-7873-2002-2

В этой книге собраны почти все стихотворения Ильи Франка, написанные с 1985 по 2022 год. Автор родился в Москве в 1963 году, с 2020 года живет в Царском Селе. В 1985 году окончил МГУ, затем работал по профессии — преподавателем немецкого языка, а также переводчиком и редактором книг для осваивающих чужие языки (о «методе чтения Ильи Франка» смотрите на сайте franklang.ru). Автор книги «Немецкая грамматика с человеческим лицом» и культурологической книги «Прыжок через быка» (размещена на сайте russianeurope.ru).

© И. Франк, 2023

© ООО «ИД ВКН», 2023

Когда подступит смерть, как ветер
С горчащим привкусом травы,
Вдруг забывая все на свете,
Ты вспомнишь кружево листвы,
Увидишь: лиственные тени
Живой пронизывает свет..
Спроси о смерти у растений —
Они зашеlestят в ответ.

1985

Век девятнадцатый люблю я наблюдать.
Что мне в нем нравится — и сам того не знаю...
Халат. Слуга Захар. Беспечности печать.
Демьянова уха. Я чувства не скрываю.

Любовь, свобода... но: не все ли нам равно...
Приметы, Грандисон, три карты, эполеты...
Прожекты, клевету положим под сукно.
Корнеты, аксельбант, кабриолеты...

Две ножки, Скалозуб, найду ли уголок...
Поэт, не дорожи... ну, сват, как пить мы станем...
Частица бытия, побег, обитель, Бог
И холод на душе, и тем сильнее раним...

И осень я люблю, когда корабль готов,
Но плыть нам некуда. Везде есть капля блага
И темный дуб, гумно, и разговор без слов,
И гений красоты, перо, кинжал, бумага...

Мы словно тени на песке —
Сыпучем и горячем,
И мы висим на волоске,
И мы едва не плачем, —

Давай заплачем, — может, вдруг
К чему-то прикоснемся
И детский ощутим испуг,
И, может быть, проснемся.

Бабочкой лети, стихотворенье,
Над крапивой, розой, ежевикой,
Каждый миг меня направленья, —
Беззаботной, легкой, многоликой.

Я бы тоже так хотел кружиться
Над бедой, любовью и судьбою,
В сторону порхнуть и с жизнью слиться —
Золотой, зеленой, голубою.

Изобрази Россию мне...

Михайло Ломоносов

Любовь и смерть стоят передо мною,
Их лица одинаково прекрасны.
Пиши, художник, кистью роковою
Портрет судьбы — императрицы страстной.
Ты у любви возьми тревогу взгляда,
В излучины бровей вложи разлуку,
Пусть держит розу — говорят, так надо,
И пусть шипы до крови ранят руку.
Возьми у смерти мертвенную бледность —
Пусть будет белым твой мазок последний,
Возьми свободу, равенство и бедность:
Все братья мы, когда она в передней.
Ведь мы в России. Положив морщины,
Смени, художник, розы на морозы,
Пиши портрет Марии Магдалины,
Спасителя не видящей сквозь слезы.

1990

Уже стемнело. Летним садом
Пройдемся мы в последний раз.
Белеют боги. Станным взглядом,
Как нищие, глядят на нас.

Давай на память. Две монетки
Исчезли в зеркале воды.
И весело шуршали ветки
За две минуты до беды.

1995

Саврасов «Грачи прилетели»

Погода начала к весне ломаться,
Теплее стало — вот и прилетели,
И, словно дети малые, резвятся
На зимней неразобранной постели.

Земля и небо, церковь, снег и воды,
Три домика, над ними колокольня,
А за забором даль и ширь природы,
Душа глядит — и ей уже не больно.

Ей чудится возвышенная сила
В березах тонких, в очертаньи храма,
И кажется, что всё в себя вместила
Какая-то невидимая рама.

То ль прилетели, то ль во сне приснились —
Постойте, колокольни, не трезвоньте! —
И словно бы нечаянно скрестились
Две веточки на темном горизонте.

Мелькнет любимое лицо
В последний раз, как бы случайно, —
И сделаешься подлецом,
И нет прощенья на прощанье.

И вспомнишь сто восьмой псалом:
Злодея не ведут на плаху —
Проклятье сам наденет он
И подпояшет, как рубаху.

И неожиданно поймешь
Под лампою дневного света,
Что жизнь прожитая есть ложь
И что ты поздно понял это.

Пусть все рассыпалось на части, —
Заройся в осень с головой.
Забудешь хлопоты о счастье —
Услышишь ветер над листвою.

Все кончено. Войди в осенний,
Сквозной, почти прозрачный лес,
Где пятна света, пятна тени
И жизнь протерлась до чудес.

В темноте, как будто под водою,
Двигается какая-то машина.
Путь ее не освещен звездою,
Фонари бросают свет под шины.

Что же нам с тобой теперь осталось —
Нам, стоящим на ночном пороге?
Иероглиф «жэнь», что значит «жалость»:
Две полоски на сырой дороге.

Запах сирени, и детство, и дождь на балконе,
Скоро обедать, и Тютчев с пятном на странице...
Жизнь перешла через холм — и на западном
склоне
Вспять оглянуться впервые уже не боится.

Шины как пахнут отцовского велосипеда
Слышит душа и сквозь толщу земли прозревает...
Прыгает в прыгалки девочка — дочка соседа...
Бабочка смятая из-под сачка вылетает...

Небо в сияющих лужах и мачта из спички...
Я не люблю бледнолицых, я друг краснокожих...
Сосны шумят... Возвращается к счастью
привычка —
Нужно лишь вспомнить, на что это было похоже...

В воздухе, забытом на перроне,
Как окурок пахнущем, сухом,
В золотой заоблачной короне,
В тишине над письменным столом,

На песке нагретом возле моря —
То есть в детстве — вдруг родился звук,
И ни с кем не ссорясь и не споря,
Как кузнечик, выпрыгнул из рук.

Двадцать первый век еще страшнее,
Только почему-то не большее
Ощущаешь эту страшноту...

Оттого, что он ненастоящий —
Как дельфин, на берегу лежащий.
Этот век — как кислый вкус во рту.

Покарябай кожу у дельфина —
Как картон она. И вот картина:
Афродита вышла из воды.

Ну признайся, это невозможно...
Подойди, притронься осторожно —
Никого. Лишь пустота и ты.

2000

Восточный базар

Я в прошлое вхожу, как в крытый рынок,
Где по бокам встают былые боли
И руки тянут мне, и жуть ужимок...
Я сквозь себя иду помимо воли.

Как много здесь всего: коробки, склянки...
На разных языках зовут торговцы...
Блестят рубины — маленькие ранки...
Одежды сбились в груды, словно овцы...

На ленточках зеленые молитвы
Сулят всем посетителям спасенье...
И с этим скарбом не пройти по бритве
Из вони специй — в воздух воскресенья.

Облако тяжелое, резное
Над ковром, сплетенным из травы.
Небо голубое, неживое.
Чуть позвякивает жесьть листвы.

Продолжая жесткую картину,
Взгляд стальной отметим у реки.
Ветер упирает иглы в спину,
Пляшут солнца злые огоньки.

Человек, бряцающий кимвалом,
В этой инсталляции живет.
Через ветви смотрит, как в забрало.
Только тем и мягок, что умрет.

Колблющаяся занавеска,
Комода темная громада.
Кузнечики стрекочут резко,
Их слышно хорошо из сада.

А на веранде светит солнце,
Луч косо падает на стену.
Стучат в квадратные оконца
Деревьев локти и колена.

А от калитки по тропинке
Идет ко мне навстречу мама.
И рамка на старинном снимке
Мне кажется дверною рамой.

В неземном изгибе занавески
Вы меня заройте после смерти,
Я сегодня получил повестку
Долгожданную в пустом конверте.

Так прощай же, вечный детский садик,
Узкий шкафчик, мир, пропахший супом,
Солнышко, как маршал на параде,
Салютующее людям-трупам.

В детстве можно лечь спиной на санки
И, поскрипывая, въехать в небо...
Жизнь есть смерть, а именно буханка
Съеденного на морозе хлеба.

Я проведу рукой
По рощице за рекой,
По темнеющим небесам,
По шелковым волосам,
По величавой горе,
И по шершавой коре,
И по простым словам,
Что не сказал я вам...

Бугорки, и трещинки, и пятна,
Словно воробьи, слетелись, сели —
И стена вдруг сделалась понятна,
Как понятен снег весной, в апреле —

Человеческий в своем надрыве,
Тающий, изрытый письменами,
Словно крылья бабочки в порыве
Трепетном, наполненном глазами.

Душа начинает несмело,
Оглядываясь назад,
Последнее трудное дело,
Единственно честный обряд.

И видит, как вспять убегают
В дрожащем и мутном окне
Названья — и как облетают
Слова, и что стало вполне

Достаточно чашки с водою
И полотенца на лбу,
Чтобы смириться с судьбою,
Чтобы отвергнуть судьбу.

Я живой кораблик из бумаги,
Я плыву по небу голубому,
И бумага не вбирает влаги,
И дорога горняя знакома.

Или вот: одет в сюртук зеленый,
Я кузнечик, от всего свободный,
Стрекотаньем только окрыленный,
К ремеслу иному непригодный.

Я сажу в качалке на крылечке,
Не жалею о прошедшем мимо...
Цепь распалась, и ее колечки
Раскатились и звенят незримо.

2009

Вот так (Эмиграция)

*Отчего да почему
На глазах слезинки?
Это просто ничего,
По любви поминки.*

(Песня)

Вот так. Ну ладно, русская зима.
Я улетаю, милая тюрьма,
Не сосчитав еще твои снежинки.
«Сестра его дворецкого»: вперед
Выходит Дина Дурбин и поет
С акцентом легким: «...по любви поминки».

2015

Души детских игрушек
Проживают в раю.
Смотрит плюшевый мишка
На хозяйку свою —

Эту зрелую даму,
Что ревет по ночам, —
Водит призрачной лапой
По дрожащим плечам.

Другой Гринёв

Навстречу снегу едет Петр Гринев,
Старинный путь по-сказочному нов.
И степь кругом, и в сердце — пыл и честь,
И нет сомненья, что Россия есть.

Потом — пороша, не видать ни зги,
И кто теперь друзья, и кто враги?
Топор, веревка, Маша, Пугачев...
И вечный снег скрипит: Гринев, Гринев!..

Дорожки парка, бледные кумиры,
Дворец и дождик, ряска, тень и свет.
Кусты стоят, как сцепленные лиры,
Шагни меж ними — и тебя уж нет.

Не камешек, попавший в твой ботинок, —
Ты сам себе мешал — и вот дела:
Ты все-таки пришел, как некий инок,
В зеленый холод Царского Села.

2020

В Екатерининском парке

Когда тебя уж больше нет,
Ты можешь погулять по парку,
Пройдя с того на этот свет
В Екатерининскую арку,

Заметить золото и сталь,
Почувствовать осенний ветер
И уточкам скормить печаль,
Ненужную на этом свете.

Метаморфоза

Вставая тяжело со стула,
Напрягши мускулы лица,
Сначала двигаюсь сутуло
И понимаю, что в отца

Покойного я превращаюсь
— Не в бабочку, не в птичку, нет! —
И сам с собою препираюсь
На кухне, через тридцать лет.

Дерево растет корнями вверх.
Человек летает, а не ходит.
Долгий путь от дома не уводит.
Включишь лампу — видишь: свет померк.

Не собой любится Нарцисс.
Минотавр и мухи не обидит.
Кто глаза закроет, тот увидит.
Птица воспаряет в землю, вниз.

Закрыв глаза, я вижу стену
Примерно в метре от меня,
На ней я наблюдаю смену
Картин, не видных в свете дня.

И — удивительное дело —
Я бесконечно счастлив тем,
Что жизнь дневная пролетела,
Не зацепив меня ничем.

Дурацкое

Поезд на самом деле остановился
Там, где он должен был остановиться.
Вот и билет у меня настоящий,
И проводница мне улыбнулась.

Постук колес наконец прекратился,
Только я медлю с подножки спуститься,
Ибо неведом мне путь предстоящий...
И проводница мне улыбнулась.

Осенняя считалочка

Что висело, то упало,
Что стучало, перестало,
Что светило, потемнело,
Что свистело, онемело,

А потом перевернулось,
Отразившись в глади водной,
Потянулось и очнулось
В тишине, от тел свободной.

Вечером (читая Плотина)

Скатился карандаш с стола,
И неохота поднимать...
Наверное, уже пора
Зашторивать и свет включать.

А может быть, что со двора
Душе уже идти пора —
Идти домой в ночную тьму...
Одной идти — и к Одному.

Воспоминание о детском садике

Темно, зима, трамвай, дорога,
Глаза слипаются еще,
В душе туман, тоска, тревога,
Заходим, пахнет уж борщом.

Вот узкий шкафчик, тапки-тряпки,
Рисуем башню и звезду.
Прогулка. Дворик. Наши бабки
В углу болтают. Я просту-

жен, дома, и лежу в постели
Весь день, и дома никого!
Ах, неужели в самом деле
Земное счастье таково?

Вот молодость, вот промежуток,
Вот старость... Но что это мне?
Нет смысла в мелькании суток
И в ходе часов на стене —

И кажется подлинным раем
Останкинский дворик зимой,
Где, сделав уроки, гуляем,
Пока не позвали домой.

Когда придержит вдруг коней
В июльском небе Феб лучистый,
Я вижу землю — и под ней
Плутона околоток мгlistый.

Я вижу зимний небосвод
Сквозь зеленеющее лето —
И милых теней хоровод,
И темную основу света.

Созвучия

Дайте яблоко — любви,
Ненависти дайте — сети,
Дайте горю — корабли,
Море и попутный ветер.

Дайте счастьем — частный дом
И участливое чувство...
А меня (певца) винцом
Угостите за искусство.

Снежная маска

Налепленная маска ледяная
На дерево корявое в снегу
Улыбкою от края и до края
Меня встречает в парке на бегу.

Перебирая палками, я мимо
Скольжу и все же вижу пред собой,
Что жизнь моя той рожицей хранима —
Случайной, снежной, нежной и живой.

Свете тихий...

Прозрачный вечер, тихий сад.
Дом в глубине, к нему аллея.
Стоят, как годы, липы в ряд —
Идешь к нему, вот он белеет

И светит солнечным окном
Закатным, дверь уж отворилась...
Заходишь. Хлебом и вином
Тебя встречают. Дверь закрылась.

То ли медленно я засыпаю,
То ли в темном лесу утопаю,
Головою листву раздвигаю,
Сквозь зеленую жизнь умираю.

Ничего не осталось чужого,
Недопонятого и больного —
Равнодушного, злого, пустого...
Ничего, кроме слова живого.

Ангел и война

Двери рая. Ангел. Ветер.
Трупы. Линии руин.
В темноте один лишь светел.
В шуме он молчит один.

А потом, расправив крылья,
Возвращается домой,
Затворяя без усилья
Двери рая за собой.

Весна 2022

С мамой в аэропорт

Такси разбрызгивает снег
В той давней мартовской Москве —
Я снова в детстве — и во сне
Мы устремляемся к весне

На дальнем крымском берегу,
Где в это время всё в цвету,
Где куртку, шапку снять смогу
И где я камни соберу.

Сон о добром превращении

Покойные папа и мама
Идут по дорожке со мной...
Пойдемте, родные, нам прямо,
Я вас проведу, я живой.

Сначала дойдем до забора —
И в «дальний» отправимся лес.
Был дальний, стал близкий: мы скоро
Придем под прохладный навес.

Насколько меня вы моложе!
Я много чего расскажу...
Ну вот, например, ... — но, похоже,
Я вместо рассказа жужжу.

Все трое, вдруг выдвинув крылья,
Летим над студеной рекой...
Не требуют вовсе усилья
Ни воля, ни смерть, ни покой.

Воспоминание об игрушке

Нет ничего прекрасней тигра
Игрушечного, с мягкой шкурой,
Который ведаёт все игры,
Известен доброю натурой, —

Я думаю, когда мне жестко
Вдруг скажут: «Всё, пора к покою»,
Я буду гладить эту шерстку
Моею детскою рукою.

Смена времен года

Было ветрено и слёзно,
Стало тихо и морозно.
Всё понятно. Слишком поздно.
До смешного всё серьёзно.

Приснившийся какой-то город,
Не сотворенный человеком,
В котором я — ни стар, ни молод —
На равных существую с веком,

В котором нет старинных зданий,
Нет современности постылой,
А есть лишь череда свиданий
С грядущей будущностью милой —

С затейливой архитектурой,
Придуманной веселым магом,
Согласною с моей натурой,
Меняющейся с каждым шагом.

Песенка о лесенке

в сером воздухе осеннем
ходит ангел по ступеням
я Иаков ты Иаков
путь пустынный одинаков
был бы если бы не эта
лесенка из тьмы и света

Внутри лица еще одно лицо:
Закрой глаза и погляди во тьму —
Наверное, перед своим концом
Сквозь внешнюю сухую кутерьму

Таким увидишь самого себя —
Совсем другим, каким бы быть ты мог,
Когда, любовь родную не губя,
Ты шел бы мимо всех чужих дорог.

Детские игры

Из прищепки выйдет две машинки,
Если ее взять и разделить.
Где теперь вы, обе половинки? —
Укатили, проявивши прыть.

Подобравши камешек у моря,
Верным другом назначал его.
Из коллекции друзей — о горе! —
Не осталось больше никого.

Вот возьму и вырежу солдата,
И раскрашу в праздничный мундир. —
А его совсем не для парада
Прочь уводит Время-конвоир.

Не беспокойтесь никто —
Идите и не глядите
На господина в сером пальто
С душою отнюдь не в зените,

Стоящего на мосту,
Смотрящего пристально в воду
На мимотекущую ту
Простую до дрожи свободу.

Я точно знаю, где мой рай:
гурзуфской набережной край,
где ждал я маму каждый день.
Она спускалась по ступень-
кам каменным, идя ко мне...
Я скоро буду в той весне.

Художественное издание

Франк Илья

НЕВИДИМАЯ РАМА

Верстка *Ольга Русакова*
Обложка *Анастасия Френк*

ООО «Издательство ВКН»

107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5

Тел.: 8 (495) 462-59-69

www.vkn-press.ru

www.muravei.ru

E-mail: muravei@muravei.ru

Подписано в печать 15.12.2022.

Формат 70x100 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 2,19.

Тираж 50 экз. Заказ № .